

Театръ Незлобина.

Театръ Незлобина открылъ вчера сезонъ Островскимъ... Добрая традиція, которая не должна умереть, доколь не утратится преемственная связь нашего театра съ творчествомъ отца русской комедіи.

Можно только пожалѣть о новомъ досадномъ совпаденіи съ репертуаромъ Корна, возобновившаго ту же пьесу «Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ».

Не такъ у насъ много театровъ, чтобы они могли позволить себѣ роскошь состязаться въ постановкѣ одной и той же пьесы.

Залъ вчера былъ полонъ публикой первыхъ представленій, послѣ каждого запаръса гремѣли аплодисменты, г-жѣ Длинной, игравшей Настю, поднесли цвѣты и даже г. Максимову, словно какому-то оперному «душкѣ-тепору», подали на сценѣ букетъ.

И, несмотря на этотъ вѣдшій успѣхъ спектакля, общее впечатлѣніе грустное. Грустно, что театръ, пропикнутый лучшими намѣреніями, топчется на одномъ мѣстѣ или мечется изъ стороны въ сторону.

Здѣсь нѣтъ противорѣчій, потому что, бросаясь отъ быта въ модернизмъ, отъ модернизма къ самой неприкрытой сенсациі, нигуда нельзя уйти отъ безалаберности. Сцена—не синематографъ, чтобы одинаково механически воспроизводить разнородное, и идти впередъ театръ можетъ, только настойчиво работая въ одномъ, строго намѣченномъ направленіи.

Безспорно, Островскаго ставили у Незлобина съ большимъ тщаніемъ. Видно, что здѣсь не жалѣли ни средствъ, ни усилій. Прекрасна декорация залюстнаго уголка старой Москвы, удачны свѣтовые эффекты, тщательно скопированы костюмы эпохи, но даже въ этихъ костюмахъ уже нѣтъ ансамбля. Они задуманы врозь, какъ пестрые лоскутья, и не было заботливой, умѣлой руки, которая затушевала бы чрезмѣрно яркія пятна, скомпоновала бы ихъ въ общую картину.

Еще въ большей мѣрѣ на исполненіи артистовъ сказывается это отсутствіе связующаго начала, отсутствіе того духа жива, который заставляеть сухія кости срастаться и облекаться плотью и кровью.

Прекрасно можетъ сыграть г-жа Длинна Настю, такой, какъ въ первомъ актѣ,—сердечной, вѣтренной и просто-душной, но въ заключительной сценѣ это-

рого акта она заываетъ о томъ, что ея Настя—не современная истеричная барышня, и нигдо не указалъ ей на это.

Г. Аслаповъ яркую, характерную фигуру «подпольнаго аблаката» Петровича играетъ почему-то въ-полтона, а рядомъ г. Лихачевъ эпизодической ролью дурачка Елеси тарактитъ на всю пьесу, кричитъ, суется, буффонитъ, словно боится, что зрители соскучатся надъ Островскимъ.

Очень безвѣдны старухи Домпа и Фетинья, а, между тѣмъ, въ этихъ великолѣпно написанныхъ фигурахъ Гогартъ русскаго темнаго царства воплотилъ всю злую пошлость жизни «на углу большой труппы и малаго захолустья».

Островскій можетъ удался лишь тогда, когда въ театрѣ есть культъ Островскаго, когда есть все, что нужно этому культу. Если же ставить его такъ, съ ал-гурію, безъ связи съ эстетической работой театра, то не избѣжать даже грубыхъ промаховъ въ родѣ того, что г-жѣ Карпенко, съ ея настоящимъ чигирпскимъ акцентомъ, дали играть московскую мѣщанку Домну Мигачеву.

Н. О.